

Хасавнех Алсу Ахмадулловна

"РАССКАЗ ОБ 'АБД АЛ-КАДИРЕ ГИЛЯНИ И ЕГО МУРИДЕ" ТАТАРСКОГО ПОЭТА-СУФИЯ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ

В статье приводится анализ поэтического произведения татарского поэта-суфия А. Каргалый об ?Абд ал-Кадире Гиляни и его ученике, включающего в себя два самостоятельных сюжета, в основе которых лежит понимание значимости и важности роли суфийского шейха в жизни его ученика, мурида. Центральными мотивами произведения являются покаяние (тауба) и духовное перерождение. Раскрываются оригинальные черты, авторская интерпретация повествования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 201-203. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.512.145

Филологические науки

В статье приводится анализ поэтического произведения татарского поэта-суфия А. Каргалый об Абд ал-Кадире Гиляни и его ученике, включающего в себя два самостоятельных сюжета, в основе которых лежит понимание значимости и важности роли суфийского шейха в жизни его ученика, мурида. Центральными мотивами произведения являются покаяние (тауба) и духовное перерождение. Раскрываются оригинальные черты, авторская интерпретация повествования.

Ключевые слова и фразы: суфизм; служение шейху; чудеса (карамат); покаяние; духовное перерождение.

Хасавнех Алсу Ахмадулловна, к. филол. н.

Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
alise_12345@mail.ru

**«РАССКАЗ ОБ „АБД АЛ-КАДИРЕ ГИЛЯНИ И ЕГО МУРИДЕ»
ТАТАРСКОГО ПОЭТА-СУФИЯ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ®**

В четвертом рассказе (*Хикаят ар-раби 'а*) Абульманиха Каргалый (1782 – после 1833), который мы условно назовем «Рассказ об 'Абд ал-Кадире Гиляни и его муриде», включенном в стихотворный сборник поэта –Фәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди» («Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави әс-Са иди»), речь идет об отношениях шейха и его мурида [2].

Однажды один из учеников известного суфийского наставника 'Абд ал-Кадире Гиляни (1077-1166), основателя суфийского ордена Кадирийа, спросил его о сути прав и обязанностей между муридом и его шейхом. Тот послал его к одному правителю передать от него привет и добавил при этом: «По возвращении ты узнаешь ответ на свой вопрос». Мурид прибыл по назначению к правителю с приветствием от шейха, и тот, возрадовавшись, передал для шейха тысячу пятьсот монет. Однако по дороге муриду выпало испытание в лице одной красавицы. Пленный девушкой, он отдал ей предназначенные для шейха деньги. Однако грехопадению мурида чудесным образом препятствовал сам шейх, несмотря на то, что находился на расстоянии месяца пути от этого места. В тот момент, когда юноша, охваченный страстью, потянулся к телу красавицы, стена раскололась, из нее выскочила рука шейха и несколько раз ударила ученика. Ошеломленный этим обстоятельством, мурид вернулся к своему духовному наставнику. Красавица, которая оказалась невольной свидетельницей картины чудесного вмешательства шейха, также пережила духовное перерождение. Она распродала все свое имущество, пришла к шейху с покаянием, отдала ему все свое состояние и после этого встала на праведный путь. Таково краткое содержание повествования татарского поэта-суфия А. Каргалый. Теперь остановимся на некоторых основных моментах данного рассказа более подробно.

Путь мистика сугубо индивидуален. Суфийский шейх, зная своих муридов, их достоинства, недостатки, характеры и склонности, в деле воспитания каждого из них определяет свои методы и приемы. В рассказе А. Каргалый этот момент ярко и четко выделен. На вопрос мурида, в чем заключаются отношения между учеником и его наставником, шейх не отвечает непосредственно словами, а посылает его навестить одного падишаха и передать ему от него привет: *–Вар феленшаһа, дейуең бәндәһәҗләм, Сөйләмәартык дехи гайре келәм. / Сағ-сәләм чөнки кайтыб келәсән, Бу сәләһеңең җәвабын аласән*” [Ibidem, б. 23]. / «Отправляйся к тому-то царю и приветствие мое передай, И кроме этого не молви больше ни слова. / Вернешься живым, невредимым, Ответ на свой вопрос получишь». Таким образом, акцент в рассказе ставится на получении эмпирического опыта, постижении знаний через чувственное восприятие, в основе которых лежат такие специфические суфийские термины, как «созерцание» (*мушахада*), «вкушение» (*завк*), «раскрытие» (*каиф*), «достижение истинности» (*тахкик*).

Как известно, в суфийской теории знание (*'илм*) подразделяется на внешнее (*захир*) и внутреннее (*батин*). Согласно мнению ал-Газали, «те знания, которые не есть необходимые (априорные), а появляются в наличии в сердце во время некоторых состояний (*ахвал*), различаются по обстоятельствам их приобретения: иногда они обрушиваются на сердце [так], словно они вбрасываются в него неизвестно откуда, а иногда приобретаются посредством доказательства и обучения» [4, с. 125].

Этика отношений шейх – мурид, мурид – шейх освещена во многих теоретических трудах по суфизму, включая и агиографические сочинения. И в произведении татарского автора этика отношений между муридом и его шейхом занимает ключевую позицию. Мурид беспрекословно исполняет волю своего шейха; послушание мурида является основным, базовым мотивом, на котором зиждутся все остальные сюжеты повествования.

Из истории известно немало примеров, когда цари и правители покровительствовали суфийским шейхам. На протяжении многих лет они обеспечивали существование суфийских обителей, приютов, названия которых варьируются в зависимости от географического расположения, национальной принадлежности самих суфиев: *джама ат-хана, завийа, ханака, текке, рибата, даргях*. «Султаны охотно раскрывали двери дворца перед шейхами-суфиями... государство платило дервишам жалование – ежедневно по полдинара» [1, с. 201]. В «Рассказе об Абд ал-Кадире Гиляни и его муриде» ярко выделен сюжет о почитании правителем суфийского

наставника, шейха. В повествовании говорится о том, что падишах был неизмеримо рад услышать о приветствии шейха от одного из его муридов, так как сам он также некогда являлся учеником шейха, суфием; это выясняется из текста произведения, где о нем сказано *холус әһле*, или *ахл ал-ихлас* (приверженец искренности).

И вот уже на обратном пути мурид остановился в одном городе, где проживала известная на всю округу женщина; поэт называет ее «красавица» (*гузәл*). А. Каргалый в этом месте усиливает эмоционально-экспрессивный тон произведения, заостряя внимание читателей на моменте скорой развязки, раскрытия замысла шейха: *Керде йула дунөб ул дәрвише баз, Күресенче ачлур гизлү раз* [2, б. 23]. / *Тот дервиш ступил в обратный путь, И вот раскрытие той тайны уже скоро*. Описывая ту загадочную особу, автор применяет к ней следующие эпитеты: «диларам» (дающая покой душе), «жинги», «биби теммиз» (чистоплотная женщина), «хоруш» (райская дева). Кроме того, подчеркиваются такие ее положительные качества и таланты, как искусство игры на разных музыкальных инструментах, завораживающее души пение, щедрость: *Диларам жиңги аңа дирлер иде, Чуклар аның ағына керлер иде. / Негьме ве ченги дехи кырык кениз, Дотар иде дехи ул биби теммиз. / Шөйлө хөсен ас иделер һер бери, Кенде хоруш жарияләре чөн пәри* [Ibidem]. / *К ней обращались: та, что душам дарует покой, Уж многие попадались в сети ее. / Держала у себя, чистая и опрятная, сорок наложниц, извлекающих из инструментов завораживающие мелодии*.

В наделении героини произведения, как мы сказали бы о ней современным языком – «хозяйки дома терпимости», благородными и притягательными качествами, бесспорно, ощущается некий парадокс, ведь речь идет о суфийском произведении. Однако эпизод с участием представителей двух диаметрально противоположных социальных групп – набожного, верного своему духовному наставнику мурида, с одной стороны, и владелицы дома терпимости с прекрасными девами, зарабатывающими себе на жизнь аморальным путем – с другой, автор вводит в свое произведение намеренно. Здесь именно и происходит завязка и развязка сюжета.

Надо отметить, что в произведении А. Каргалый освещается и другой немаловажный момент в акте подаяния, а именно: даритель, совершающий пожертвование для суфийского наставника, тем самым очищается от прежних грехов. Этот сюжет продемонстрирован в эпизоде духовного перерождения «красавицы». В тот момент, когда мурид, плененный красотой девушки, потянулся к ней, чтобы обвить ее шею, из стены комнаты выскочила рука шейха и со всей мощи ударила по лицу юноши. Тот свалился без чувств и, когда пришел в сознание, получил второй такой удар. Этот эпизод, окрашенный в яркие чувственные оттенки, является собой переломный момент всего повествования: *Буйнына озадыб илкен сарылуур, Күрер ул дем: касыр дивар ярылуур. / Чыкыб әл дәрвише бер шебләк орыр, Йөзе өстенә мөгаллак йыкылыр. / Бер заман йатыр ки, һушындан талыб, Күбеке мискиннең азгына келәб. / Һушына келдекте йенә бер орыр, Сана син буйны фежыйрең өзелер* [Ibidem, б. 25]. / *Только потянулся рукою к шее ее, Как вдруг видит: стена раскололась / И из нее выскочила рука и ударила по лицу дервиша так, Что повалился он навзничь. / В какой-то миг очнулся он, покоясь на полу, А изо рта его вышли пузыри. / Придя в себя, он получил второй такой удар, Словно шею оторвало ему*. Увидев ошеломленное состояние мурида, в сердце красавицы закрался страх. Она спросила юношу о причине произошедшей в нем резкой перемены, после чего мурид рассказал ей обо всем. Резкий душевный надлом, который переживает «красавица», усиливается двумя факторами. Первый фактор связан с чудодейственным вмешательством (*карамат*) шейха, духовного наставника пришедшего к ней юноши. Из истории известно, что некоторые суфийские шейхи, достигнув высоких ступеней в своем духовном восхождении, обладали сверхъестественными способностями и могли совершать чудеса (*карамат*). Однако чаще всего они предпочитали умалчивать о своих способностях и, соответственно, редко применяли их на практике. Имам Фахруддин ар-Рази сказал: «Очень часто люди по причине чудес отходят от пути Аллаха, именно поэтому истинные *арифы* боятся, что эти чудеса будут для них испытанием, которое они не смогут преодолеть» [3, с. 310]. В рассказе А. Каргалый мы как раз наблюдаем тот редкий случай, когда суфийский шейх вынужден применить чудо для благой цели – чтобы спасти от грехопадения своего мурида. Нужно иметь в виду, что как бы ни был отдален духовный наставник от своего ученика, он находится с ним в непрерывной связи (*рабита*) и контролирует все его поступки. Также немалое значение имеет *таваджжух* – глубокая связь и мысленная концентрация между шейхом и муридом. Суфийский наставник, практикуя *таваджжух*, «входит в дверь ученического сердца», чтобы наблюдать за его поступками и оберегать его. Второй фактор, обостривший душевный надлом блудницы, связан с доброжелательностью юноши, чуть было не попавшего в любовные сети красавицы. Он не пытается очернить ее, обвинив в злом умысле, напротив – наставляет ее добрым напутствием: *Жак улсын модама дөстгир. / Ул филүре, кем сәңа вирдем, хәләл, Улсын имде, дик бәни, йулыма сал*” [2, б. 25]. / *«Пусть Аллах укажет тебе [истинный] путь. / Отданные тебе деньги и да будут тебе дозволенными (халал), Только позвольте мне идти своей дорогой»*. Красавица приходит к искреннему покаянию (*тауба*) – первой и наиважнейшей ступени суфиев на их пути духовного восхождения, и для нее все заканчивается благополучно.

Таким образом, ответом для мурида на его вопрос о правах и обязанностях между муридом и его любимым шейхом и служат два этих показательных и поучительных примера: первый связан с щедростью правителя на одно только приветствие шейха, а второй – с покаянием красавицы и возвращением ее на праведный путь. И в том и в другом случае важную роль сыграли личность и благостное воздействие на происходящие события великого шейха Абд ал-Кадира Гиляни. Эти два примера послужили уроком и назиданием для мурида. Повествование завершается нравоучительными словами шейха, обращенными к своему муриду: *Диде дәрвише ки: —Күрдеңме, мөхиб, Нелеризһар имде теһтенден дөшүб*” [Ibidem, б. 26]. / *Сказал [шейх] дервишу: «Ты видел, Что сделала эта возлюбленная, спустившись с трона»*. И неслучайно шейх в качестве вывода ко всей этой истории выделяет именно духовное перерождение красавицы, прошлое которой было связано с порочным занятием, однако благодаря участию в ее судьбе шейха она обрела спасение.

В Коране и хадисах теме покаяния уделено значительное место. Также, согласно представлениям суфиев, искренне покаявшийся в своих грехах человек ближе к Аллаху, чем благоверный мусульманин, всю свою жизнь исправно исполнявший все религиозные предписания. Здесь можно было бы привести в качестве аналогии известную библейскую историю о блудном сыне.

Последние двадцать строк по традиции, сложившейся в тюркских литературах, А. Каргалый посвящает выводам и призывает читателей вынести для себя уроки из рассказанного. Особое внимание автор акцентирует на чудесных свойствах и силе благотворного воздействия великого суфийского наставника на людей и обстоятельства их жизни. Мелодично, подчиненные стройной рифме, звучат заключительные строки повествования, в которых поэт призывает всегда и во всем слушаться повелений шейха, ибо ключ к счастью, по его мнению, кроется в исполнении воли наставника: *‘Эй, газиз кардеши, мурид ирсен егер Мезьрифет бабындан эстерсен сөмер. / Гер не бойырырса шейхең кыл кабул, Күренерсе кузеңе егерче сул. / Каршы келер, инкыйад итсең аңа, Дин – дөңйаның сөгадете сөңа [Ibidem]. / О, дорогой мой брат, если ты мурид, Плоды найдешь в познании ты. / Что бы ни приказал тебе твой шейх – исполни, Как бы [это приказание] ты ни расценил. / Если подчинишься, то перед тобой распахнутся [Двери] в счастье обоих миров.*

Таким образом, «Рассказ об ‘Абд ал-Кадире Гиляни и его муриде» представляет из себя оригинальное суфийское литературное произведение о взаимоотношениях между духовным наставником и его муридом. В рассказе уделено большое внимание добродетельным качествам суфийского шейха и его особому статусу в сообществе учеников и последователей.

Список литературы

1. **Гордлевский В. А.** Государство Сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. М.: Изд-во вост. лит., 1960. Т. I. Исторические работы. С. 31-321.
2. **Каргалый Ә.** Тәржемәи хажи Әбелмәниһ әл-Бистәви әс-Сәғыйди. Казан: Казан ун-ның табгыханәсе, 1889. 34 б.
3. **Мухаммад Юсуф Хаттар.** Энциклопедия суфизма / пер. с арабского. М.: Издательский дом «Ансар», 2005. 480 с.
4. **Насыров И. Р.** Концепция суфийского познания: «Путь к Богу» (тарик) // Мистицизм: теория и история / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Е. Г. Балагушкин, А. Р. Фокин. М.: ИФРАН, 2008. С. 122-155.

“STORY ABOUT ‘ABD AL-QADIR GILANI AND HIS MURID” BY THE TATAR SUFI POET ABULMANIH KARGALY

Khasavnekh Alsu Akhmadullova, Ph. D. in Philology
Centre of Written and Musical Heritage of G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Arts of the Tatarstan Academy of Sciences
alise_12345@mail.ru

The article presents an analysis of the poetic works of the Tatar Sufi poet A. Kargaly about 'Abd al-Qadir Gilani and his disciple, including two independent plots, which are based on the understanding of the significance and importance of the Sufi sheikh's role in the life of his disciple, murid. Repentance (Tawbah) and spiritual rebirth are central motifs of the work. The original features and the author's interpretation of the story are revealed.

Key words and phrases: Sufism; service of Sheikh; wonders (karamat); repentance; spiritual rebirth.

УДК 81'371

Филологические науки

В статье предлагается описание семантической структуры предикатов «бесперспективного протекания» (ПБП) типа «попить» и «have a drink», выделяются интегральные семантические признаки, релевантные для описания изучаемых предикатов. Утверждается, что ключевыми компонентами семантики ПБП являются признаки «контролируемость», «порция» действия и «бесперспективность» действия. Доказывается, что указанные признаки определяют семантические и функциональные особенности рассматриваемых единиц.

Ключевые слова и фразы: предикаты «бесперспективного протекания»; «контролируемость»; «порция» действия; «бесперспективность» действия; предикат; семантика.

Холодова Дарья Дмитриевна

Московский городской педагогический университет
daryakholodova@gmail.com

К ВОПРОСУ О «ПРЕДИКАТАХ БЕСПЕРСПЕКТИВНОГО ПРОТЕКАНИЯ» ТИПА ПОПИТЬ И HAVE A DRINK[©]

Предикаты бесперспективного протекания (ПБП) впервые получили развернутое семантическое описание в работах Ю. С. Маслова, где автор отмечает, что предикаты, вносящие информацию о «бесперспективности»